

Иллюзия значения

В. А. ЛАДОВ

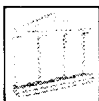
Данная статья состоит из четырех частей. В первой, самой объемной части эксплицируется основной скептический тезис теории значения Л. Витгенштейна так, как он был сформулирован в «Философских исследованиях»¹ и затем интерпретирован С. Крипке в работе «Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке»². Во второй части разъясняется, почему Витгенштейн, а вслед за ним и Крипке, называют скептический тезис относительно значения парадоксом. В третьей части излагается витгенштейновская стратегия выхода из сформулированного парадокса. И, наконец, в четвертой части проводится мыслительный эксперимент, в котором в соответствии с теорией значения Витгенштейна моделируется способ освоения лексики какого-либо конкретного языка.

1. СКЕПТИЧЕСКИЙ ТЕЗИС

Самой известной за последние двадцать лет интерпретацией «Философских исследований» оказалась та, что

¹ См.: Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. М., 1994.

² См.: Kripke S. Wittgenstein on Rules and Private Language. Oxford, 1982.

была изложена в книге американского философа и логика Сола Крипке «Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке». Крипке удалось придать витгенштейновским аргументам столь ясную и последовательную форму – не в пример самому автору «Философских исследований», – что именно его книга вновь возродила горячие дискуссии вокруг теории значения позднего Витгенштейна.

Стоит упомянуть, что многие критики Крипке указывали на несоответствие его интерпретации взглядам самого Витгенштейна. Вот что пишет, например, К. Макгинн: «То, что сделал Крипке, являет собой впечатляющую и вызывающую аргументацию, которая, однако, имеет мало общего с собственно витгенштейновскими проблемами и утверждениями: в некотором важном смысле Крипке и реальный Витгенштейн даже не имеют дело с одними и теми же *вопросами* (у каждого из них своя проблематика)»³.

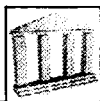
В связи с этим необходимо сразу подчеркнуть, что целью настоящей статьи не является тщательное историко-философское прояснение корреляции взглядов Витгенштейна и Крипке. Оставляя этот вопрос в стороне, мы будем представлять теорию Витгенштейна так, как ее видит Крипке.

Американский логик сразу предлагает радикальный ход: если уж ставить вопрос о стабильности значения языкового выражения, то нужно ставить его на примере выражений самой строгой области знания. Если удастся высказать скепсис по отношению к данной области словоупотребления, то сомнение автоматически будет распространяться и на другие менее строгие области науки. Поэтому для своего критического анализа Крипке выбирает употребление языковых выражений в математике.

Поставим вопрос: какое значение имеет математический знак «+»? Ответ очевиден: значением «+» является плюс – арифметическая операция сложения. Сама эта операция представляет собой правило обращения с арифметическими предметностями – числами или же количественными характеристиками любых материальных или идеальных предметов. Правило сложения может быть сформулировано следующим образом. Возьми две корзины с яблоками, пересчитай их в соответствии с десятичной системой счисления для натурального ряда чисел, затем высыпи содержимое обеих корзин в третью корзину и снова пересчитай. Если содержимое каждой из корзин равняется соответственно 68 и 57, очевидно результатом выполнения операции сложения будет число 125.

Однако логически непротиворечиво предположить следующую ситуацию: складывающий 68 и 57 выдает ответ 5. Мы, конечно, можем

³ McGinn C. Wittgenstein on Meaning. Oxford, 1984. P. 60.

ут же обвинить его в нарушении правила, в его неспособности усвоения элементарной арифметической операции. Но можем предположить и другое. Что если складывающий при выполнении операции соотносил знак «+» с другим правилом – скажем, квус? Правило квуса (сложения) может быть сформулировано следующим образом. При пересчете яблок в третьей корзине поступай так, как гласит правило сложения, но в том случае, когда количество яблок в первой и второй корзинах достигнет 68 и 57 соответственно, всегда выдавай ответ 5. Правильное арифметическое действие, выполненное в соответствии с операцией квус, будет таким: $68 + 57 = 5$.

Скептическая проблема может быть сформулирована двумя способами. Один из них предлагает Крипке. Мы не можем считать результат $68 + 57 = 5$ однозначно неправильным, ибо из нашего предыдущего опыта употребления знака «+» (допустим, когда мы складывали $5 + 5 = 10$) не следует с необходимостью, что мы подразумевали под «+» плюс, т. е. использовали операцию сложения. При обращении со знаком в каждой новой ситуации его употребления мы не можем опереться на свой предыдущий опыт. Предыдущий опыт употребления данного знака будет допускать различные интерпретации значения в настоящем.

Представляется, что та же проблема может быть сформулирована еще более лаконично. Какое значение имеет знак «+» в предложении $2 + 2 = 4$? Налицо явная двусмысленность этого знака. В данном употреблении неразличимы значения плюс и квус. Знак «+» может с равным правом означать и то, и другое. Отсюда следует, что он не означает ничего.

Теперь мы оказываемся подготовленными к восприятию содержания § 201 «Философских исследований», в котором, по мнению Крипке, как раз и зафиксирован скептический тезис Витгенштейна: «Наш парадокс был таким: правило не может определить никакого способа действия, ибо любой способ можно привести в соответствие с этим правилом. Ответ был таков: если любое действие можно сопоставить с правилом, то любое действие можно сделать и противечащим ему. Следовательно, тут не будет ни соответствия, ни противоречия».

Позволим себе уточнить формулировку. Любое частное употребление языкового выражения может быть подведено под неограниченное количество правил употребления. Любое частное употребление может быть противопоставлено любому правилу. Следовательно, любое частное употребление языкового выражения не может быть с полной определенностью подведено под какое-либо правило.

И вот только здесь, исходя из такого специфического акцента на понятии следования правилу, проявляется все своеобразие витген-

штейновской критики предшествующих теорий значения. Витгенштейн говорит следующее: какой-либо факт может считаться значением выражения только тогда, когда он обладает некой принуждающей силой, склоняющей нас к тому, чтобы связать его появление в поле нашего внимания именно с этим конкретным выражением языка. Проще говоря, факт значения выражения должен презентировать правило, в соответствии с которым мы будем употреблять данное выражение в будущем.

Поскольку математический пример Крипке не имеет отношения к вещественному миру, постольку номинативистская теория, принимающая в качестве значения выражений языка локализованные в объективном пространстве и времени материальные образования, здесь остается за рамками обсуждения. А вот в отношении теории концептуализма, понимающей значения как ментальные образы или переживания, находящиеся в сознании субъекта, мы вполне можем высказать соответствующие критические положения. Продуцируя высказывание « $2 + 2 = 4$ », я обращаю внимание на то, что имею вполне определенное психическое переживание. Однако, исходя из вышесказанного, очевидно, что само это переживание не может выступать в качестве факта значения выражения «+», ибо оно как раз не отвечает витгенштейновскому стандарту: своим присутствием в субъективности оно не способно внести стабильность в употребление данного выражения. При продуцировании выражения « $2 + 2 =$ », которое сопровождается одним специфическим переживанием, я могу выдавать, по крайней мере, два различных ответа. Так будет происходить потому, что правило, обеспечивающее стабильность употребления, не может быть представлено в переживании вообще.

Обратим внимание на своеобразную радикальность такой критики концептуализма. Классический вариант критики – позволим себе такое обозначение, – представленный Гуссерлем⁴, делал акцент на темпоральной изменчивости психических переживаний. Тезис Гуссерля состоял в том, что переживание не может быть значением потому, что в новый момент времени у нас просто не будет возможности воспроизвести то же самое переживание. Текучесть потока психических феноменов не сможет обеспечить стабильности значения. Радикализм Витгенштейна в том, что мы можем утверждать невозможность обращения к психическому переживанию как к значению выражения даже в *моментальном временном срезе*: вот сейчас, в данном частном употреблении конкретное переживание не соотносится ни с каким правилом вообще.

⁴ См.: Husserl E. Logische Untersuchungen. Tübingen, 1980.

Казалось бы, самым достойным претендентом на звание значения выражения является эйдетическое образование. Содержание эйдоса должно раскрываться в дефиниции. Что же еще можно обнаружить в одержании, как не правило, определяющее то, каким образом данное выражение должно «привязываться» в употреблении к данному эйдосу и только к нему? В самом деле, если мы предположим существование эйдоса сложения, то его содержанием как раз и будет выступать та правило-дефиниция, которая уже указана нами выше: озьми две корзины яблок... и т. д.

Неоднократно встречающийся в литературе критический аргумент о отношении к универсалистской семантике, принимающей в качестве значений объективные «платоновские» эйдосы, состоит в свеении дефиниции *ad infinitum*. Утверждается, что при определении эрмина-дефиниендума мы должны определить и все термины, составляющие дефиниенс. Очевидно, что этот процесс уходит в «дурную бесконечность», и потому значение дефиниендума оказывается нероясненным. Следуя же ходу рассуждения крипкевского Витгенштейна, мы снова можем обнаружить, сколь радикальной выглядит новая критическая аргументация. Мы можем, в противовес «критикам от *d infinitum*», оставить универсалистам возможность утверждать ельное схватывание эйдетического образования в каком-то особом интеллектуальном опыте. Но даже тогда эйдос не сможет удовлетворить условиям стабилизации следования правилу, необходимым для эго, чтобы данное образование претендовало на статус значения выражения.

Дело здесь вот в чем. Допустим, мы схватываем во всей полноте эйдос сложения – мы понимаем, что данное правило пересчета действует для *любого* количества яблок. И все же это условие не обеспечивает стабильность употребления выражения «+»: сформулированный Крипке квазиэйдос квожения начинает «подстерегать» нас в каждом частном употреблении «+». Коварность квуса заключается в том, го в момент употребления «+» мы не подозреваем о его существовании и потому сами можем не отдавать себе отчета в том, что наши эйствия уже оказываются двусмысленными. Мы записываем $2 + 2 = 4$ полной уверенности в том, что вот сейчас, в данный момент мы употребили выражение «+» в значении плюс. Мы уверены в том, что знаем, как правильно употреблять это выражение в любом другом случае. Но эйдос квуса при этом мы вообще не приняли во внимание. Между тем, не будет противоречивым допущение, что этот эйдос за-эйствован здесь латентным образом так, что при следующем употреблении «+» по отношению к 68 и 57 я буду выдавать ответ 5 и считать его правильным.

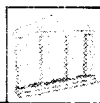

В итоге, проблема будет выглядеть следующим образом: в данном частном употреблении я в равной степени следую сразу двум эйдосам, но из-за латентности квуса настоящей двусмысленности я просто не замечаю. Данная ситуация возникает потому, что я не способен в момент этого частного словоупотребления созерцать сразу весь эйдетический универсум. Следствием описываемой ситуации становится новый критический тезис по отношению к универсализму: эйдетическое образование не способно быть значением, ибо его содержание, даже воспринятое с полной определенностью, не обеспечивает стабильность в следовании правилу употребления того выражения, которое связывается с этим образованием.

По отношению к крипкевской проблеме различения плюса и квуса нередко можно было встретить следующее возражение⁵: введение квазиправил слишком искусственно; если бы эти странные правила действительно разрушали привычные диспозиции к означиванию, то в нашей повседневной речевой практике наступил бы полный хаос – каждый бы употреблял то или иное выражение как ему вздумается и претендовал бы при этом на собственную правоту; однако очевидно, что этого не происходит – на практике язык оказывается достаточно стабильным образованием, вполне приемлемым для нужд коммуникации; следовательно, крипкевская проблема есть только фикция теоретика, сгущающего краски скептицизма для того, чтобы просто заинтриговать философское сообщество.

Неизвестно, как бы ответил сам Крипке на данную критику – естественно, что она звучала уже после выхода в свет его книги, – но нам представляется вполне вразумительным следующий контраргумент. Бесспорно, что появление квус-правила и следование ему не есть широко распространенный факт нашей жизни. Но ведь мы действительно ставим данную эпистемологическую проблему *теоретически*. Мы спрашиваем: возможно ли следование квус-правилу в принципе? Мы спрашиваем и не можем предоставить удовлетворившего бы нас отрицательного ответа. Раз так, то наше следование плюсу-правилу и, соответственно, наше употребление выражения «+» не является необходимым. Теоретически наше употребление «+» совершено случайно. Мы оправдываем себя лишь тем, что на практике способны продемонстрировать относительную стабильность нашей речи, и потому употребление данного выражения кажется нам вполне вразумительным. Однако в теории, последовательно задавая вопросы об основании нашей позиции, «мы доходим до такого уровня, где действу-

⁵ См., например: Blackburn S. The Individual Strikes Back // Synthese. 1984. V. 58. P. 290–291.

ем без какой-либо причины, которая могла бы оправдать наше действие. Мы действуем уверенно, но слепо»⁶.

Предыдущий, критический по отношению к Крипке, аргумент может быть встречен не только апелляцией к сугубо теоретическому уровню проблемы. Вопрос о стабильности значения станет более весомым в глазах практика, если мы продемонстрируем его не только на тех абстракциях, коими являются арифметические операции, но и на обычных предметах, данных в чувственном восприятии.

Хин Шин Ли⁷ приводит в пример следующий гипотетический диалог скептика с его критиком (сопротивляться скептику берется сам автор статьи):

С: Давай проведем простой эксперимент. (Он показал мне фото какой-то деревянной конструкции, состоящей из прямоугольной доски и четырех опор, по высоте не выше щиколотки). Это «стол»?

Я: (Я никогда не видел раньше таких вещей. Мой прошлый опыт не имеет таких фактов, которые бы предоставили ориентир для моего нового употребления. Так или иначе, я все же пытаюсь следовать своему прошлому употреблению). Это скамья, а не стол.

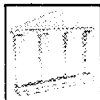
С: Твое понятие «стол» может оказаться «цтолом». «Цтол» включает японский стол, на фотографии показан «цуке»⁸.

Даже пытаясь задать значение слова остенсивно, т. е. через прямое указание на находящийся перед нами предмет, мы можем не заметить того, что впоследствии будем все же использовать разные правила употребления данного слова. Я и японец, одновременно глядя на предмет, находящийся в моей комнате (я имею в виду то, что называю словом «стол»), будут, сами того не замечая, полагать разные значения для употребления слова «стол». Японец, осваивая значение русского слова «стол», будет понимать под ним и тот предмет, который находится сейчас у меня в комнате, но также и тот, что в японском он обозначает словом «цуке», тогда как я включать японский стол в свое распространение значения слова «стол» не намерен, несмотря на то, что я, еще раз подчеркнем это, в данный момент могу и не догадываться о возможности такой ситуации – я никогда не видел «цуке». Следовательно, в данный момент мы не сможем заметить разницу в значениях слова «стол», хотя она уже существует, вопреки, казалось бы, однозначному остенсивному определению, которым мы сейчас воспользовались.

⁶ Kripke S. Wittgenstein on Rules and Private Language. P. 87.

⁷ См.: Liu Xin Sheen. Kripkenstein: Rule and Indeterminacy / Proceedings of the Twentieth World Congress of Philosophy. Boston, Massachusetts, USA. 10-15 August 1998 // <http://www.bu.edu/wcp/Papers/Lang/LangLiu1.htm>.

⁸ Ibid.

Данный пример не является единственным. Интерпретаторы Крипке вдоволь поупражнялись в постановке обсуждаемой проблемы для различных ситуаций опыта. Одними из наиболее популярных оказались гипотетические описания так называемого «опыта Робинзона». Это связано с витгенштейновским тезисом о невозможности индивидуального языка, на котором в настоящей статье мы не акцентируем внимания. Тем не менее нельзя не увидеть того, что данные описания вновь и вновь ставят одну и ту же проблему – проблему следования правилу.

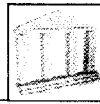
Г. Гиллет⁹ предлагает обсудить следующую ситуацию. Племя туземцев для создания запасов, обеспечивающих их жизнедеятельность, использовала посуду – глиняные горшки, в которые складывались добытые во время собирательства продукты. Для того, чтобы различать продукты по их функциональной принадлежности – допустим, чтобы отличать съедобные плоды от лекарственных (непригодных для внутреннего применения), – туземцы использовали цветовые обозначения. Красная полоска на горшке означала то, что в нем находятся фрукты и т. д. Допустим далее, что в какой-то момент времени все соплеменники, кроме одного, неожиданно стали дальтониками – они перестали различать цвета полосок-знаков. Это дополнительное условие мы, развивая гипотезу Гиллета, вводим за тем, чтобы исключить возможность intersубъективной корреляции дальнейших действий единственного здорового соплеменника. Проголодавшись, оставшийся здоровым «Робинзон» тянется к горшку с красной полоской, и вот здесь неожиданно появляется скептик, который задает ему вопрос.

Скептик: Почему ты уверен в том, что в данном горшке находятся съедобные фрукты, вдруг туда помещены ядовитые плоды?

Робинзон: Ранее нами было установлено, что красная полоса на горшке есть знак того, что в него помещены съедобные фрукты.

Скептик: Почему ты уверен в том, что красная полоска на горшке имеет в качестве своего значения то, что содержимым горшка оказывается фрукт? Из того, как ты употреблял данный знак ранее, не следует, что его значение именно таково. Возможно, твои соплеменники изначально полагали за красной полоской на горшке значение – фруктояд. Это значит, что до определенного времени туда складывались фрукты, а с сегодняшнего дня – опасные для жизни плоды. Ты сам-то уверен в том, что употреблял ранее знак «красный» в значении фрукт? Ведь ты же подтверждал из раза в раз правильность своего

⁹ См.: Gillett G. Humpty Dumpty and the Night of the Triffids: Individualism and Rule-Following // Synthese. 1995. V. 105. No. 2, November. P. 191–206.

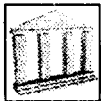

употребления знака «красный» на практике – ты просовывал руку в горшок и сначала помещал, а потом, спустя некоторое время, вынимал оттуда фрукт. Но дело в том, что *теоретически* ты никак не сможешь обосновать, что во время исполнения этих действий знак «красный» имел в качестве своего значения именно фрукт, а не фруктояд, ибо в данных конкретных действиях эти два на самом деле разных значения знака были не различимы. Попробай доказать сейчас, без обращения к intersubъективной корреляции со своими соплеменниками, что ты сам имел в виду одно значение, а не другое. Проблема состоит в том, что если ты сам сегодняшним утром поместил в горшок с красной полоской ядовитый плод, то это действие невозможно интерпретировать как некорректное по отношению к твоему прошлому опыту.

В конце концов скептик может логически принудить туземца – если тот, конечно, окажется способным воспринимать логическую аргументацию и быть последовательным в своих умозаключениях – к тому, чтобы последний никогда больше не притрагивался к горшку с красной полоской.

Предыдущие примеры, кроме демонстрации распространения крипкевского скепсиса на языковые выражения для предметов чувственного опыта, показывают также и то, каким образом со стороны крипкевского Витгенштейна можно критиковать номинативистскую теорию значения. Номинативизм оказывается ущербным не только в том, что он не способен учреждать значения для абстрактных или несуществующих предметов. Витгенштейн вновь оказывается гораздо радикальнее: даже прямой чувственный опыт, конкретное остенсивное определение не способны задать стабильность значения языкового выражения, ибо сам воспринимаемый конкретный предмет не содержит в себе правило, задающее четкий критерий корректного употребления данного выражения в будущем.

В итоге, мы можем констатировать следующее. Витгенштейн, что становится наиболее заметным в интерпретации его идей Солом Крипке, отвергает претензии любой диспозициональной теории на фиксацию значения языкового выражения. Диспозициональная теория пытается усмотреть значение за пределами языка – в тех фактах мира, к которым нас отсылают слова. Это невозможно. Невозможно именно потому, что ни один из этих предполагаемых фактов не обеспечивает нас *правилом*, в соответствии с которым мы могли бы расценить наше дальнейшее употребление выражения как корректное. Значение не обнаруживается во внелингвистических фактах, *значение не есть факт*.

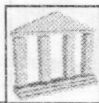
2. СКЕПТИЧЕСКИЙ ПАРАДОКС

Еще раз обратимся к § 201 «Философских исследований». Он начинается словами: «Наш парадокс был таким...». И далее следует рассуждение, заканчивающееся выводом о том, что какое-либо конкретное употребление языкового выражения невозможно связать с определенным правилом. Однако, по сути, это – не парадокс, это – именно скептический тезис: значение не есть факт, то или иное выражение языка не обладает в качестве значения чем-то таким, что содержало бы определенность своего распознавания в будущем, таким, что содержало бы в себе правило, в соответствии с которым в будущем можно было бы знать наверняка, что данное языковое выражение мы связываем именно с тем значением-фактом, что и ранее. Парадокс же должен представлять собой наличие двух противоречащих друг другу высказываний, каждое из которых претендует на истинность.

Почему же Витгенштейн здесь все же заговаривает о парадоксе? Является ли употребление им в данном пассаже этого термина лишь досадным недоразумением, некоторой небрежностью в использовании терминологии? Интересно, что С. Крипке, осуществивший столь обстоятельный разбор витгенштейновского текста, не обращает внимания на определенную проблематичность этого момента. Он также, вслед за автором «Философских исследований», называет скептический тезис парадоксом¹⁰, просто принимаясь за его изложение и анализ и не проясняя при этом, почему ту проблему, которую он называет парадоксом, следует считать парадоксом.

Представляется, что витгенштейновский вариант именования данной проблемы, несмотря на то, что он не выглядит вполне уместным, все же не является случайностью. Парадокс действительно имеет место. Он присутствует на уровне общего понимания функционирования языка. Отталкиваясь от общих классических представлений, которые беспрекословно принимались различными теориями значения, можно было бы сказать, что язык может нормально функционировать тогда и только тогда, когда в нем присутствует – пусть даже относительная! – стабильность значений знаковой системы. Номинативисты, концептуалисты и универсалисты будут спорить о том, каким онтологическим статусом следует наделить эти факты значения, но никто из них не будет оспаривать того очевидного положения, что такие формально понятые факты вообще должны существовать. Мысль о том, что знак не обладает раз и навсегда заданным стабильным значением, а приобретает его в том или ином культурном контексте,

¹⁰ См.: Kripke S. Op. cit. P. 8.

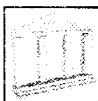
тоже не столь нова. Она неоднократно появлялась в философии XX века еще до витгенштейновской теории. Поэтому, отдавать Витгенштейну пальму первенства как генератору этой идеи неверно. Но еще более неверным было бы сказать, что в продуцировании (или репродуцировании) этой идеи и состояла вся мысль автора «Философских исследований». Скепсис Витгенштейна гораздо радикальнее – слово не обладает даже относительно стабильным значением. Значение вообще не есть факт, обнаруживаемый во внелингвистической сфере. Раз так, то с позиции традиционных взглядов язык должен умереть. Если знаку отказано даже в относительно стабильной связи со своим значением, то язык должен превратиться просто в хаотическое нагромождение материальных образований без какого-либо семантического упорядочивания. В такой ситуации язык теряет свою основную функцию – обозначать вещи при помощи знаков. Язык перестает быть языком, он исчезает.

Итак, если скептический тезис Витгенштейна относительно значения верен, то язык не функционирует. Тем не менее нам следует все-таки отнестись – и Витгенштейн понимает это – к очевидному эмпирическому факту: мы используем язык, и это использование оказывается успешным – язык работает на нас. В этом состоит парадокс: на георетическом уровне верным признается положение «язык не функционирует»; на практическом уровне верным оказывается положение «язык функционирует».

Как разрешить этот парадокс? Истинность второго высказывания, утверждающего очевидно успешное функционирование языка на практическом уровне, у Витгенштейна сомнений не вызывает. Значит, чтобы избавиться от парадокса, необходимо каким-либо образом обосновать ложность первого высказывания. Сделать это можно, как показывает Крипке¹¹, двумя способами.

1) Через прямое решение скептической проблемы. Данное решение будет заключаться в том, что нам удастся найти изъян в аргументации скептика, удастся изобличить его в применении некой скрытой софистической уловки, удастся показать, что то, что скептик выдавал за истинное, на самом деле таковым не является. Например, решение Декартом своей скептической проблемы является прямым. Скептик Декарта утверждал, что невозможно в качестве результата нашего опыта познания сформулировать какое-либо абсолютно несомненное положение. Декарт не согласился с этим, сформулировав свой знаменитый тезис: «*Cogito ergo sum*». Витгенштейновский скептик утверждал, что значение не есть факт. Следовательно, прямым решением было бы опровержение истинности данного высказывания.

¹¹ См.: Kripke S. Op. cit. P. 66.

2) Через скептическое решение. Данное решение за основу будет принимать истинность скептических заключений. Скептик прав – значение не есть факт. Однако далее должен последовать оригинальный ход. Скептическое решение будет утверждать, что из истинности скептического тезиса не следует смерть языка.

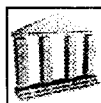
3. СКЕПТИЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ

Если скептик прав, и языковое выражение не имеет значения в качестве какого-либо даже относительно устойчивого факта, но при этом по-прежнему неоспоримым остается эмпирическое суждение о нормальном функционировании языка, то становится понятным, что следует поставить вопрос о критериях функционирования. Исходящее в качестве следствия скептического тезиса положение «язык не функционирует» оказывается истинным только тогда, когда мы наивно в качестве предпосылки принимаем утверждение классической теории языка: функция языка заключается в обозначении вещей при помощи той или иной системы знаков. Скептическое решение витгенштейновского парадокса будет настаивать на ложности этой предпосылки.

Язык, несмотря ни на какой скепсис теории, продолжает свое успешное функционирование на практике потому, что его функция не заключается в обозначении вещей. Его функция состоит в том, чтобы позволить субъекту при помощи соответствующей знаковой системы производить успешные коммуникативные действия с другими субъектами, оперирующими этой же системой.

То, что функция языка не заключается в обозначении вещей (в самом широком смысле, чем бы эти вещи не были: материальными образованиями объективного мира, субъективными *sense-data* или платоновскими универсалиями), проясняется посредством анализа особого случая оперирования знаковой системой – индивидуального языка. При исследовании употребления индивидуального языка мы не можем сослаться на коммуникативную функцию, ибо коммуникации здесь нет по определению, нет других субъектов, к которым носитель языка имел бы какое-либо отношение. Единственно к чему он мог бы отнести знаки своей системы – это именно вещи, устойчивые факты значений его выражений. Только на основании субъективной фиксации этих устойчивых связей знака и значения носитель индивидуального языка мог бы успешно пользоваться своей знаковой системой. Никакие внешние, интерсубъективные критерии правильности и последовательности его лингвистических действий в данном случае не допускаются.

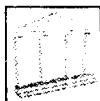
Однако скептический тезис, с которым соглашаются те, кто выбирает скептическое решение проблемы, утверждает, что значение не

есть факт. И дело не в том, что одно лингвистическое сообщество называет стол «столом», а другое «стулом». Дело в том, что вот сейчас, обратившись исключительно к своему субъективному опыту, я не в состоянии зафиксировать то, что подразумеваю в качестве значения используемого мной термина «стол». То, что я обозначал этим термином в прошлом не являлось фактом, содержащим в себе правило того, как мне следует употребить это выражение в будущем. То есть я обозначал что-то такое, что не схватывалось в сознании в качестве устойчивого, однозначно определенного интенционального содержания, с которым я бы мог раз и навсегда связать используемый мной знак. Мое прошлое употребление термина «стол» подпадало как минимум сразу под два правила. Значит мое нынешнее употребление этого термина, каким бы экстравагантным оно не было, не вытекает из моего прошлого употребления, но вместе с тем и не противоречит ему. Я не могу сформулировать критерии корректного использования слова потому, что нет того устойчивого значения, к которому это слово можно было бы «привязать». Знак становится совершенно свободным, процесс означивания погружается в хаос неопределенности, индивидуальный язык, функция которого могла бы состоять исключительно в обозначении вещей, умирает.

Только коммуникативное сообщество способно задать критерии корректного употребления. Однако это происходит не потому, что в интерсубъективном языке связь знака со своим значением вдруг, каким-то чудесным образом, оказывается совершенно прозрачной. Скорее, сообщество генерирует иллюзию значения. За счет многократного употребления одного и того же знака различными субъектами, за счет постоянно действующих условий сверки одного случая употребления с многообразием других случаев возникает ситуация примерной стабильности значения. И вот что главное: такая примерная стабильность оказывается достаточной для совершения успешных коммуникативных действий в рамках данного сообщества, т. е. для реализации единственной функциональной задачи языка.

При этом именно концепт успешного коммуникативного действия начинает играть решающую эпистемическую роль в самом широком смысле. Посредством языковой коммуникации субъект поддерживает не только сообщество, но и себя самого, свое понимание мира, создает иллюзию смысловой стабильности своих действий. Субъект, рассматриваемый в изоляции, не способен задать необходимое соответствие знака и значения. Вернее, скептический тезис будет утверждать, что это соответствие невозможно задать в принципе. Но зато за счет концепта успешного коммуникативного действия данное соответствие можно симитировать, чего для практических жизненных устремлений субъекта оказывается вполне достаточно.

Иллюзия стабильности значения и успешность коммуникативного действия оказываются взаимозависимыми. С одной стороны, иллюзия стабильности создает условия для утверждения успешности коммуникации. С другой – подтверждение успешности коммуникативного действия само подпитывает иллюзию, делает ее все более легитимной.

4. КУРС ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА ПО МЕТОДУ ВИТГЕНШТЕЙНА

В выражении скепсиса по поводу традиционной концепции значения, утверждавшей, что за языковым знаком присутствует некая стабильная сущность, четко схватываемая еще до проявления языка в мышлении, Витгенштейн был не одинок. Одной из самых авторитетных в аналитической философии XX века оказалась позиция У. Куайна, который предложил реформировать наши взгляды на значение слова: «Характерная особенность семантических разделов лингвистики, особенно лексикографии, состоит не в том, что они обращаются к значениям, а в том, что они имеют дело с синонимией»¹². Данный тезис Куайна вносит запрет на обсуждение семантики на экстралингвистическом уровне. Прояснить значение слова – не значит обратиться к мыслительным сущностям «в чистом виде», находящимся за пределами языка. Прояснить значение -- значит для незнакомого слова подобрать синоним из известного нам словаря. Тем самым, задача лексикографа, изучающего незнакомый язык, формулируется на сугубо лингвистическом уровне. Она заключается в составлении синонимичных рядов двух словарей.

Такой подход позволил Куайну акцентировать внимание на креативном статусе языка. Пока мы концентрировались на значении как мыслительной сущности и просто смотрели, каким термином в незнакомом нам языке обозначается данное мыслительное образование, мы не замечали, до какой степени сам язык, его синтаксис способен влиять на формирование референта. Мы пребывали в уверенности, что ментальные идеи по сути тождественны, дело заключается только в том, чтобы выяснить, какой термин-ярлык используется для этой идеи в незнакомом нам языке. Куайн показывает, что исследуемый язык синтаксически может быть устроен так, что он вообще не будет содержать в себе того концептуального дробления, которое присуще нашему языку, и в таком случае задача поиска различных ярлыков для обозначения одной и той же мыслительной сущности просто теряет смысл.

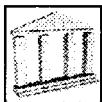
¹² Куайн У. С точки зрения логики: 9 логико-философских очерков. Томск. 2003. С. 50.

Так возникает известный куайновский тезис о неопределенности перевода. Когда туземец произносит «гавагай», указывая, казалось бы, на тот предмет, который в своем языке я обозначаю словом «кролик», то создание лексикографом такой связи синонимов всегда будет проходить под знаком неопределенности. Выражение «гавагай» может указывать и на вот этого кролика, и на кролика вообще, и на травяной бок кролика, и даже не на предмет, а на определенное действие, например, на кролика, пробегающего мимо деревьев. Оказываясь, что самое простое и предельно внятное определение значения слова – оstenсивное определение – не привносит полную ясность. Более точно прояснить то, что имеет в виду туземец, можно не через обращение к вещам-референтам, мыслительными эквивалентами которых мы оперируем, а к самому языку, к его синтаксису, ибо здесь будет осуществляться концептуальное членение мира. Например, синтаксис языка туземца может вообще не содержать в качестве основополагающего элемента структуру простого атрибутивного суждения, в котором логическому субъекту приписывается определенное свойство в качестве предиката. В таком случае мир в глазах туземца перестанет представлять собой совокупность индивидов-вещей, на которые «нализываются» свойства. Возможно, он будет представлять собой совокупность действий. Лингвист же, составляющий словарь синонимов, может не заметить такого концептуального сдвига. Так будет происходить потому, что он, согласно Куайну, всегда будет находиться в состоянии неоправданного переноса концептуального каркаса, задаваемого его языком, на язык туземца. Несмотря на возможные практические успехи в создании более-менее работающих рядов синонимий, теоретически неопределенность перевода оказывается неразрешимой проблемой¹³.

Скепсис Витгенштейна более радикален. Аргумент о невозможности индивидуального языка ставит под вопрос достижимость стабильного референциального отношения в субъективной сфере. Если Куайн усомнился в том, способен ли субъект прояснить значения-референты выражений незнакомого ему языка, не видя при этом проблемы в отношении ясности значений своего собственного словоупотребления, то для Витгенштейна сфера субъективности уже не выглядит столь несомненной. Скептический тезис настаивает на предельной дестабилизации значений, которая касается в том числе и сугубо субъективного опыта словоупотребления. Отсюда следует пересмотр основополагающей функции языка, в которой, кстати, Куайн

¹³ См. подробнее: Куайн У. Слово и объект. М., 2000; Quine W. Ontological Relativity // The Journal of Philosophy. 1968. V. LXV. No. 7. P. 185–212.

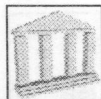

также не думает сомневаться – будто бы задача словоупотребления состоит в том, чтобы именовать вещи, чтобы закреплять за словами стабильные смысловые референты. (Подчеркнем еще раз, что термины «вещь», «значение», «референт» здесь употребляются как синонимы. Не важно какую онтологическую позицию мы выберем: будем ли мы считать вещами, данными нам в опыте, материал ощущений, или платоновские эйдосы, или же физические объекты природы. Вопрос состоит в том, можем ли мы оперировать этими структурами как стабильными данными нашего опыта.) Согласно Витгенштейну, главная функция языка состоит в осуществлении успешных коммуникативных действий между субъектами, порождающих иллюзию значений, вполне достаточную для практической жизни.

Какую стратегию, исходя из зафиксированных выше тезисов, Витгенштейн бы предложил человеку, приступающему к изучению иностранного языка? Нижеследующий мыслительный эксперимент, с одной стороны, дает ответ на этот вопрос, а с другой, проясняет все своеобразие витгенштейновской концепции значения как употребления.

Русскому человеку, решившему изучать английский, не следует выяснять, к каким именно референтам отсылает то или иное слово. Его задача не должна заключаться и в построении рядов синонимий, позволяющих при помощи словаря транслировать английские слова в русские и таким образом, исходя уже из внимания к русскому слову, определять соответствующий референт. Все эти процедуры оказываются незвучными, ибо в соответствии со скептическим тезисом существует не только проблема неопределенности перевода с одного языка на другой, но и проблема радикальной дестабилизации значения в субъективности, т. е. и в том языке, который для обучающегося является родным. Когда русский слышит «a table», ему не следует ни стремиться узреть референт в английской языковой среде, ни заниматься поиском соответствующей словарной статьи, которая отсылала бы его к русскому эквиваленту-синониму «стол», ибо русское слово «стол» само для носителя этого языка оказывается референциально неопределенным.

Скорее, витгенштейновские директивы к изучению английского состояли бы в следующем. Просто запоминай звуки и те ситуации, в которых их следует употребить. Смотри на реакцию вступающего с тобой в коммуникацию субъекта и оценивай ее успешность. Например, запомни комбинацию звуков «How are you?» и употребляй их в той ситуации, когда ты идешь по улице и случайно встречаешь знакомого. Если в ответ на твое выражение знакомый улыбнется и произнесет «I'm fine!», считай, что данное коммуникативное действие совершено успешно. Сделай из этого вывод, что ты освоил значение выражения «How are you?».

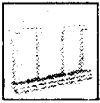

Кстати, такая методика не является уж слишком невероятной и не имеющей никакого отношения к действительности. Известно, например, что на советских радиолокационных базах, следящих за солюдением воздушных границ иностранными самолетами, дежурным офицерам, которые не владели английским, раздавали особые словарари-разговорники для возможных переговоров с экипажем иностранного воздушного судна. В этих словарях кириллицей были выписаны определенные выражения, к которым прилагалась инструкция ситуаций их употребления. Если продолжать наш пример, здесь можно представить такую же простую ситуацию приветствия. В словаре написано выражение «Хелоу! Хау а ю?» и дана инструкция по его применению: «Выйдя на связь с экипажем иностранного самолета, первым делом произнеси данный набор звуков. Услышав в ответ «Хелоу! Ви а файн!», считай данный коммуникативный акт приветствия успешно завершенным и переходи к следующему вопросу». При этом обязанности дежурного офицера не входило овладение рядами синонимий английских и русских слов. Ему вовсе необязательно было знать, что набор звуков «хэлоу» означает то же, что означает набор звуков «здравствуйте», что «ю» означает то же, что и «вы» и т. д. Его задача ограничивалась запоминанием звукового ряда и той ситуации, в которой его следует употребить.

Если, к примеру, с позиции Д. Серла, одного из авторитетных современных аналитических философов, данная ситуация показывала бы лишь имитацию обучения языку, ибо здесь полностью был бы редуцирован уровень субъективных интенциональных содержаний сознания, к которым должны отсылать слова¹⁴, то для Витгенштейна данное положение дел указывало бы на овладение языком в буквальном смысле! Скептический тезис настаивает на невозможности какой-либо фиксированной связи слова и субъективного интенционального содержания сознания. Следовательно, понятие об установлении таких связей нельзя приравнять к понятию овладения языком. Все что нам остается в такой ситуации – это простое употребление звуков и ориентация в коммуникативной успешности наших действий. И только на основании такой деятельности будет возникать иллюзия интенциональной стабильности, которая, тем не менее, оказывается достаточной для практических целей.

Теперь, исходя из вышесказанного, мы можем яснее представить всю специфику витгенштейновской концепции значения как употребления. Данная концепция не имеет того достаточно тривиального смыс-

¹⁴ См. об этом широко известный «аргумент китайской комнаты» в: Searle J. Minds, Brains, and Programs // The Philosophy of Artificial Intelligence. Oxford University Press, 1990.

ла, указывающего на то, что слово обретает свое значение только в культурном контексте, когда определенное сообщество договаривается называть стол «столом», подчеркивая при этом, что в другой социальной среде данное слово могло бы обозначать что-то другое. (Здесь небезынтересно заметить, что подчас к такому вульгарному пониманию данной концепции нас подталкивает сам Витгенштейн, на что и обращает внимание Крипке: «Однако в контексте Витгенштейн скрывает свой глубинный парадокс в намного более прямолинейной позиции – что, обычно, употребления языка не дают точного определения их применения во всех случаях»¹⁵. Это обстоятельство еще раз показывает сколь оригинальной и проблемно акцентированной оказывается крипкевская интерпретация. По сути, утверждение столь радикального следствия скептического парадокса, что значение не есть факт, – заслуга С. Крипке.) Концепция «значение как употребление» в ее предельной скептической интерпретации говорит о том, что значение выражения есть его употребление в буквальном смысле. Имеется только употребление звуков в какой-либо коммуникативной ситуации и больше ничего, никаких мыслительных сущностей, которые мы могли бы назвать значениями.

*Статья написана при поддержке РФФИ,
грант № 04-06-80357*

¹⁵ Kripke S. Op. cit. P. 81–82.